

Там, где встретятся наши пути,
Не копи обиды и сомненья,
В этой жизни всё благослови
И скажи спасибо за мгновенья
Радости, печали и любви...

И не ожидай, что ждёт награда.
Звёзды тихо тают в вышине...
Раз случилось — значит, так и надо
Для чего-то и тебе и мне...

Не суди мои поступки строго,
Раз уж наши встретились пути,
И куда б ни вывела дорога,
Ты за всё, любимая, прости.

Д. Мизгулин

*Уездный город Успенск,
1875 год*

Богатейший купец Афиноген Порфирьевич Беловодов умирал и отчётливо понимал, что умирает. В распахнутые настежь окна мёл снег, гуляя по спальне, сквозняк перебирал подзор на кровати и теребил ширинки¹ на божницах², шитые рукой жены-покойницы. Лампады давно погасли, лишь одна, у старинного семейного образа Богоматери, скупо чадила тонкой серой струйкой дыма.

Несмотря на трескучий мороз, закрывать окна Афиноген Порфирьевич не позволял —

---

¹ *Ширинка* — на Руси ширинкой называли платок, рушник. Полотенца, украшенные вышивкой, являлись неотъемлемой частью быта русской семьи и обрядовых действий.

² *Божница* — полка, на которой ставились иконы.

задыхался, а так хоть маленько, да схватывал губами глоток ледяного воздуха с вольной волюшки. Эх, в сани бы сейчас, накрыть ноги медвежьей полостью да рвануть по первопутку на ярмарку, чувствуя, как в крови молодая горячая силушка перемальвывает хворобу. Да уж не бывать по сему — отбегался Афиногенушка на веки вечные.

Иногда, впадая в короткое забытьё, он видел себя под венцом, рука об руку с ново-брачной супружницей Агафьей, испуганной и боязливой. Ну, а как иначе? Девку он взял строгого воспитания, она, почитай, кроме отца да братьев, других мужчин и не видела, а тут сразу муж, да ещё такой лихой, что одним взглядом мог на девичьих щеках румянец зажечь. И певчие на хорах тогда пели по-особенному сладостно и торжественно, ровно спустившиеся с небеси Ангелы Господни. Почему-то запомнились бородавка на щеке у дьячка и то, как кланялся до земли нищий на паперти в ожидании щедрого подаяния.

— Пряники, пряники раздавайте! — с весёлой удалью кричала сваха и бросала под ноги молодым горсти пшеницы — на богатую

и чадородную жизнь, что пролетела полуденным ветерком по верхушкам соснового бора, купленного аккурат перед болезнью.

В изголовье кровати переминался отец Мелхиседек, призванный для последнего причастия, а напротив стояла единственная наследница Марфуша, и он как мог оттягивал смерть ради того, чтоб успеть дать дочери последний отцовский наказ. Готовясь отлететь к Богу, душа напоследок молотом стучала в рёбра и кровью клокотала в воспалённом горле, мешая молвить слова напутствия.

Афиноген Порфирьевич шевельнулся, и Марфуша жадно кинулась к кровати, рухнула на колени и припала губами к холодеющим пальцам, словно хотела согреть их своим дыханием.

— Тятенька, молю, не умирайте. Как я без вас? Убогая, беззащитная.

Хоть и уходили силы у Афиногена Порфирьевича, а на последнюю слезу хватило. Она покатилась по щеке и капнула на бороду с густой сединой посреди иссиня-чёрных волос.

«Экая борода у тебя, Афиноген Порфирьевич, — с уважением говорил управляющий

Коломыйкин. — Ровно радость и горе напололам разложены: то чёрная полоса, то белая».

Сейчас Коломыйкин стоял позади Марфуши и комкал в руках поля фетровой шляпы-котелка.

Афиноген Порфирьевич поднял веки и обвёл взглядом лица собравшихся у его смертного одра.

«Рождаемся со слезами и умираем со слезами...» — мелькнула оборванная мысль, потому что разум оставался ясным, как протёртое стекло из его любимого детища — стекольной мануфактуры. Рука Афиногена Порфирьевича легла на голову Марфуши.

— Марфа, ты должна... — Голос Афиногена Порфирьевича сорвался, и он испугался, что не скажет о том, о чём мучительно думал сквозь горячку.

— Что, тятенька? Я всё выполню, что вы прикажете.

— Марфа, поклянись Богом, что никогда не выйдешь замуж и уедешь из города. Управляющий покажет, где твоё новое имение, там и живи, сколь тебе отпущено.

В глазах потемнело, словно на небо взошла грозная туча и укрыла солнце.

Уездный город Успенск, 1875 год

Марфу на миг заслонила крупная фигура отца Мелхиседека с крестом в руках, и Афиноген Порфирьевич понял, что его времечко истекло каплями в песок вечности.

– Поклянись, Марфа, дай умереть спокойно.

Падая в мягкую блаженную тьму, Афиноген Порфирьевич уловил отчаянный дочкин плач, волной прошедший над его телом:

– Клянусь, тятенька, клянусь, воля ваша!

*Санкт-Петербург,
2017 год*

Молодой человек несколько минут понаблюдал за сотрудниками службы контроля на входе в метро и шагнул к рамке металлодетектора. Перед тем как пройти сквозь рамку, он облизал губы, мысленно воззвав к высшим силам. Кровь грохотала в ушах короткими упругими толчками. На случай, если сейчас раздастся истошный писк детектора, у него был предусмотрен особый план, но прибор промолчал. Пронесло!

Он опустил жетон в прорезь турникета. Отрезая путь к отступлению, рычаг повернулся и пропустил его вперёд, в гулкое эхо уходящего поезда. Мозг чётко фиксировал происходящее, не упуская ни единой детали. Он машинально запомнил двух охранников около

банкомата, уборщицу с неповоротливым агрегатом, оставляющим после себя влажную дорожку чистого пола, дежурную по станции в форменном кителе и узкой юбке. Ему казалось, что все они смотрят прямо на него и точно знают, зачем он спустился в метро. Теперь главное — не дрогнуть и не выдать себя. Осталось пройти несколько шагов до эскалатора, и тугой узел напряжения внутри живота распустится и даст спокойно вздохнуть.

Народу на станции было немного, и он пожалел, что поторопился. Стоило пару часов подождать часа пик, который заполнил бы до отказа вестибюль и электрички. Засунув руки в карманы, он слегка поёжился от нервного возбуждения, зябким холодком растекающегося по позвоночнику.

Чувство напряжения было сродни выпитым подряд нескольким чашкам крепчайшего кофе. Он пил его сегодня утром, растягивая удовольствие от капли до капли, — чёрный, сладкий, почти кипящий. За окном пятиэтажки, набухая весенними соками, мотались ветки старого тополя. Удивительно, но петербургская погода расщедрилась на толику солнца. Он ненавидел этот тоскливый город

с мертвенным светом серого неба, влажным ветром с Невы и вечной суетой людской толпы. Шум настигал везде, даже в тихом спальном районе, где он снимал квартиру у толстой неопрятной хозяйки с отвисшими щеками пьяницы. Чтобы пройти к подъезду, приходилось огибать ряд легковушек, припаркованных вплотную к тротуару. Машины и их хозяев он тоже ненавидел тяжёлой удушающей ненавистью.

Он представил себе двор южного города, расчерченный по асфальту тенями от пышной зелени. На миг показалось, что в лицо дохнуло запахом цветущего миндаля и сухим ветром с гор, перемешанным с ароматом свежих лепёшек из бабушкиной печи. Бабулины добрые руки гладили его по голове, по плечам, и он старался расправить их пошире, чтоб походить на настоящего мужчину, защитника и добытчика. Это было давно, в той, другой жизни, которая с минуты на минуту расколется надвое. Ожидание, словно болезнь, вытягивало из него силы и нервы.

Перед выходом из дома он очень долго одевался, то и дело поглядывая на себя в узкое зеркало около двери. Худощавый молодой

человек в зазеркалье выглядел слишком бледным — так не годится. Нельзя допустить, чтобы на него обратили внимание: слишком многое поставлено на кон. Привычным движением он поправил очки, осторожно повел плечами с тяжёлым рюкзаком и стиснул ручку спортивной сумки, грузно оттянувшую руку вниз.

* * *

— Инес, ты не представляешь, какую новость я принёс тебе в клювике!

Олег любил называть её на испанский манер. Если кому-нибудь другому Инна не позволила бы шутку со своим именем, то Олегу прощалось всё.

Он улыбнулся, и эта улыбка погрузила её в тёплую волну нежности.

— И что за новость?

Он выудил из-за спины букетик фиалок:

— Во-первых, я тебя люблю.

Она засмеялась:

— Ну, это уже не новость.

Олег покаянно вздохнул:

— Согласен. А во-вторых, мы с тобой летим в отпуск. Угадай куда?

— Турция?

Олег шутливо нахмурил брови:

– Фу, какая пошлость. Я могу позволить кое-что лучше. — Он сделал паузу, во время которой привлёк Инну за плечи к себе и шепнул в самое ухо: — Я забронировал отель на Мальдивах! Представь: лазурное море, отдельный домик на сваях с собственным бассейном и любезный официант, который сервирует завтрак на плавучем столике прямо на воде.

– О, Олег! — Инна посмотрела на него с обожанием, не в силах придать себе беспристрастный вид хотя бы ради приличия.

Олег улыбнулся и одобрительно скользнул глазами по её лицу.

– Ты же знаешь, я люблю всё самое лучшее.

Инна засмеялась:

– Я тоже. Недаром я выбрала именно тебя.

Они шли по Садовой улице, купающейся в мареве весенней оттепели. Петербург медленно оттаивал от долгой зимы. В сквере у Суворовского училища неистово драли горло вороны, такие же чёрные, как остатки городского снега на обочине дороги. Потоки влажного ветра приятно охладили щёки и покрывали губы лёгкими поцелуями. Успев вдоволь

озарить город, солнце медленно покидало зенит, оставляя на стенах домов следы своих тёплых ладоней. Если бы не людской поток, то подсвеченные солнцем арки Апраксина двора выглядели бы театральными декорациями в грандиозном спектакле «Тайны Апраксина двора», в простонародье называемого Апрашкой.

Огромный торговый двор внутри снискал себе недобрую славу ещё в первые годы после перестройки: по городу то и дело вспыхивали слухи то о перестрелках, то о бандитских группировках, то о грудe трупов, которые вывозят под покровом ночи в неизвестном направлении. Постепенно обветшалые ларьки внутри Апраксина двора сменились на лёгкие павильоны из стекла и стали, рынок стал более цивилизованным, но славы своей не утратил, крепко держа пальму первенства «Бандитского Петербурга».

Олег тронул свою спутницу за руку:

– Инес, ты сегодня на машине?

Она остановилась:

– Нет, я взяла такси. Не хотелось искать парковку по пробкам. А ты?

Он покаянно опустил голову:

– И я на такси. Но совершенно по другой причине.

Инна резко вскинула голову:

– Опять лихачил, и тебя лишили прав?

Пару месяцев назад она оказалась свидетельницей инцидента, когда Олега остановил гаишник за пересечение двойной сплошной. Позже он признался, что с трудом удалось выцарапать права назад. Сама Инна ездила очень осторожно.

Олег горячо запротестовал:

– Ничего подобного. Отогнал машину на техобслуживание. И знаешь, у меня появилась идея! Давай проедем пару остановок на метро. Так сказать, в целях общего развития, а потом вызовем такси. Ты когда в последний раз ездила на метро?

Припоминая, Инна сдвинула брови, и Олег тотчас кончиком пальца разгладил складку на её переносице:

– Не хмурься, тебе не идёт.

Она тряхнула головой:

– Я была в метро года два назад, перед тем как купила машину.

– Вот! — Олег победно хмыкнул. — А я не ездил на метро примерно лет семь. — Он немного

подумал. — Я в школе волочился за одной девочкой, она ездила на метро, а поэтому мне приходилось изображать, что нам по пути.

Инна с любопытством взглянула на Олега снизу вверх. Она любила смотреть на него вот так — искоса, невзначай, чтобы снова и снова с замиранием сердца понять, что теперь он принадлежит только ей одной, и никому больше.

— И куда делась та девочка?

— На первом курсе института она вышла замуж и стала толстой сварливой тётенькой, так что тебе не о чем волноваться.

Инна пожала плечами:

— Веришь, я совершенно не волнуюсь, даже если бы ты ухаживал за целым курсом института.

Она и вправду не волновалась. К чему глупая ревность, если Олег с неё глаз не сводит и засыпает подарками?

В его глазах блеснуло лукавство.

— И правильно делаешь. Я верен тебе, как секретный код банковской ячейки.

— Интересное сравнение.

Они дружно рассмеялись, привлекая к себе внимание прохожих. Инне нравилось, что на

них смотрят: красивая пара в дорогой модной одежде, с отсутствием тягостной озабоченности на лицах. Бедность, неустроенность и разочарование были придуманы для других, а им уготована долгая благополучная жизнь людей из хороших семей с прекрасным образованием. Иначе и быть не должно!

Идущая навстречу девушка оценивающе взглянула на Олега. Он был высоким, стройным, с немного тяжеловесным подбородком, который придавал ему мужественности. Инна демонстративно взяла его под руку, утверждая своё право единственной и неповторимой.

* * *

Олег так давно не ездил в метро, что на несколько мгновений растерялся от духоты и скученности. Плюс ко всему он успел забыть, что для прохода требуется купить жетон и опустить его в дурацкую прорезь турникета.

Когда он родился, отец уже заработал первый миллион, и их семью возил угрюмый шофёр Илья с пиратской рожей и огромными ручищами молотобойца, поэтому в метро Олег в первый раз побывал лет в двенадцать, с гувернанткой Кариной Леонидовной. Именно